

Марк Рудницкий

Аккордеон
и
Скрипка

Алексей Рудницкий
Аккордеон и Скрипка

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Рудницкий А. С.

Аккордеон и Скрипка / А. С. Рудницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Пьеса о великой любви американского солдата Джона и мусульманки жительницы Пакистана Беназир. Встретившись на пляже, они не могут оторвать друг от друга глаз. Все время он играл на аккордеоне, она - на скрипке. Но родители девушки взяли большие деньги у местного богача. Беназир должна стать его женой. Противостояние разворачивается по законам сжатой пружины. Трагедия все более углубляется. События полны драматизма и высоких чувств. Влюбленные убегают в горы- природную заповедную зону...Погоня идет по пятам. Пара должна пересечь границу и спастись от погони. Но тут звучит выстрел. Джон "убитый", падает в пропасть. Беназир по своей воли бросается за ним. Но влюбленные не погибают, они парят в воздухе, уплывают в небеса.

Действующие лица

ДЖОН БУОНАРРОТИ – американский солдат, христианин.
БЕНАЗИР БАТТАНИ – дочь бедного мусульманина.
САДДАМ БИРУНИ – её жених, бизнесмен.
ОМАР БАТТАНИ – её отец.
РАГАД БАТТАНИ – её мать.
БИЛЛ РУЗВЕЛЬТ – американский солдат, друг Джона.
ДЖАМАЛ НИЗАМИ – подруга Беназир.
ХУСЕЙН – руководитель охраны Саддама Бируни.
САДЖИДА – наперсница Саддама Бируни.
РОНАЛЬД РАЙС – офицер, командир подразделения американской армии.
ДЖОРДЖ КЛАРК – сержант американской армии.
ГАРРИ СПОК – лейтенант американской армии.
ЗЯЙНАБ, НУРИЯ, ГАЛИЯ – завсегдатаи пляжа.
ГЕЛЛА – бывшая подруга Джона.
ТОНИ КЛЕРР – судья.
ДЖЕК ДРАЙЗЕР – американский инспектор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Морской пляж. Тысячи отдыхающих. Загорают.купаются. Ватага парней пошла в пляс. Рядом хлопцы играют в футбол... Как бы обособившись от всех, стоят у воды Беназир и Джон. Она играет на скрипке, он – на аккордеоне. Поглядывая на них, старушка, завсегдатай пляжа, шепчет на ухо соседке.

НУРИЯ. Посмотри, Зяйнаб, на этих парня и девушку. У меня такое ощущение (*иронично улыбается*), что если бы их историю, как гласит поговорка, написать иглами в уголках глаза, она наверняка стала бы назиданием для поучающих и наставлением для тех, кто принимает наставления.

ЗЯЙНАБ. Не говори, Нурия, загадками. Что стряслось?

НУРИЯ. Ты вяжешь себе кофточку и не замечаешь, что они, как замороженные, несколько часов кряду смотрят в глаза друг другу...

ГАЛИЯ. Не суйте нос в молодые дела.

НУРИЯ. Но мне не понятно: почему молчат?

ГАЛИЯ. У них музыкальный разговор. Вслушайся в голос скрипки! А какие нежные звуки, какая страсть в аккордах аккордеона!.. Музыка – сладкое биение их сердец.

На влюбленных обращают внимание и две пляжницы средних лет.

ПЕРВАЯ ПЛЯЖНИЦА. Девушка без чадры? Она безбожница?..

ВТОРАЯ ПЛЯЖНИЦА. И охмуряет не местного парня! Смотри, у него кожа не смуглая, а чисто белая, волосы рыжие, глаза – голубые...

ЛОВЕЛАС (*своему спутнику о Беназир*). Такую трахать надо, а этот белый вперил в нее глаза, как турист в Пизанскую башню.

Девушки-инвалиды тоже заметили необычную пару.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Они, я слежу более часа, не от мира сего. Шли навстречу друг другу и одновременно остановились, прямо–таки прилипли к песку.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Завидую их необычным чувствам.

По пляжным ступеням опускается к берегу элегантно одетый Саддам Бируни. Приблизившись к Беназир, кипит негодованием.

САДДАМ. Где пропадаешь? Я проторчал у мечети целых три часа! Забыла, что сам имам пригласил нас, чтобы благословить на бракосочетание?

БЕНАЗИР. Разреши искупаться в море. Хочу чистой войти в храм.

САДДАМ. Окупись – и сразу же ко мне!

Вопреки приказу жениха Беназир заплывает за оградительные буйки. Бируни окликает ее, машет руками... Джон, шокированный его появлением, долго не может шевельнуться от растерянности. Его глаза заволакивает слеза. И будто из другого мира долетают до него слова Бируни.

САДДАМ. Моя невеста тонет! Спасите ее! Заплачу золотом!

Буонарроти бросается в море. Отчаянно борется с высокой волной. Нырять, из пучины выталкивает вверх Беназир, выносит на берег. Но она не подает признаков жизни. Бируни обращается к пляжникам.

САДДАМ. Если среди вас есть врачи – помогите!

Никто не откликается. Жених мечется по пляжу, многократно повторяя просьбу. Затем садится в свой «мерседес» и мчит к ближней больнице. Джон тем временем пытается вернуть девушку к жизни. Однако ни сдавливание грудной клетки, ни искусственное дыхание, ни другие приемы, которым обучен в армии, не помогают. Тогда он припадает губами к губам Беназир и высасывает из ее легких воду. Глотая эту воду, едва не задыхается. Но Беназир спасена. Толпа, окружавшая пяточок «скорой помощи», видит, как пострадавшая открывает глаза. Джон тут же берет ее на руки и уносит, быстро шагая по прибрежной мелкой воде. Их догоняют два пацана, передают забытые ими одежду, скрипку и аккордеон.

С группой врачей на пляж возвращается Бируни. Не понимает, куда исчезла Беназир.

САДДАМ. Где моя невеста? Вот здесь я ее оставил... Скажите! Я заплачу!..

Все вокруг молчат. Саддам в истерике, рвет на себе рубаху. Тогда к нему с опаской поочередно подходят Нурия, Зяйнаб и Галия, женщины средних лет, ловелас, девушки-инвалиды. Оглядываясь по сторонам, что-то нашептывают Бируни на ухо, получая взамен монеты.

Наконец среди пляжников Бируни находит глазами свою наперсницу Саджиду.

САДДАМ (*подбегает к ней*). Где шатаешься? Разве не тебе поручал присматривать за Беназир?

САДЖИДА (*угодливо*). Я присматривала...

САДДАМ. Почему же проворонила мою невесту? Какой парень ее унес?

САДЖИДА. Голова как купол, руки что вилы, ноги похожи на мачты, рот будто пещера, зубы точно камни, ноздри как трубы... Был он неприятный, мерзкий.

САДДАМ. Лесть – не месть? Используешь слоган Шахразады? Но я не сказочный Шахрияр. Меня не охмуришь!

САДЖИДА. А как изъясняться?

САДДАМ. Современным, четким языком.

САДЖИДА. Хорошо. Вашу невесту похитил очень красивый американский солдат. Тот, что не дал Беназир утонуть, вынес на берег.

* * *

Джон и Беназир идут, приплясывая, берегом. Он играет на аккордеоне, она – на скрипке. Этой необычной музыкальной парой любитесь всякий, кому та попадает на глаза. Дорога от пляжа ведет в зеленую зону. Туда и направляются молодые люди. Это заповедник, где обитают экзотические животные. Вот жираф объедает листья на верхушке дерева. Скачет кенгуру, из «сумки» которого выглядывает детеныш. За кустом рычит лев. Но он не замечает людей, его взгляд прикован к самке. Еще мгновение – и он настигает ее, они борются, затем спариваются. А на ветках платанов «сексуют» обезьяны. Кричат попугаи. Из озерной воды выплывает бегемот. Звенят цикады. А чуть темнеет, под кустами вспыхивают огоньки светлячков. Джон находит место, устеленное мягкой травой, и вместе с Беназир падает, утомленный, на этот земной топчан. Обнявшись, парень и девушка засыпают.

На рассвете Джон касается губами губ Беназир. Она обнимает его – и они сливаются, становятся единым телом. Джон обцеловывает все ее органы. Беназир обцеловывает все его органы. Пение птиц звучит для них как симфония счастья. Их близость, любовный экстаз видят животные, что подглядывают из-за веток деревьев и кустов. Они наблюдают за любовью людской, затаив дыхание. Они как бы изучают, познают неведомое. На какой-то отрезок времени замолкают и птицы, рассматривая обнаженные тела парня и девушки. Красивая, воистину красивая пара – эти представители гомо сапиенс. Налюбовавшись ими, птицы снова наполняют простор утренними певческими мелодиями. Начинается любовная игра у многих обитателей заповедника. Они как бы подражают Джону и Беназир. Те, в свою очередь, берут в руки музыкальные инструменты, выбирают удобное место на ветках платана и аккомпанируют этому разгулу природных страстей. Затем спрыгивают на землю, ложатся в траву. Девушка срывает несколько бутонов азалии, вдыхает ее аромат.

БЕНАЗИР. Вот бы стать таким цветком!

ДЖОН. Зачем?

БЕНАЗИР. Он красивее меня. Не имеет забот.

ДЖОН. Но только человек осознает себя. Поэтому он – царь природы, живет как бы в двух измерениях: в дикости – и в мудрости.

БЕНАЗИР. А может, и пауки, и цветы, и черви разумны?

ДЖОН. Вряд ли. Но у них тоже есть своя цель – неосознанная цель.

БЕНАЗИР. Цель без разума. Какая?

ДЖОН. Размножаться. Есть насекомые, самцы которых, оплодотворив самку, сразу же погибают. Стремление к спариванию у них неостановимо. Природа вложила в них вот такой смысл.

БЕНАЗИР. Значит, все вокруг нас живет ради любви?

ДЖОН. Да, она венец всему. Так считали и считают многие философы. Вот для тебя, например, что важнее всего?

БЕНАЗИР. Быть рядом с тобой, жизнь вместе прожить.

ДЖОН. А я как бы вижу тебя во всем прекрасном, что нас окружает. Мне кажется: азалия – это ты!..

БЕНАЗИР. А я воспринимаю тебя как солнце... Клянусь: с этой минуты я – твоя жена!

ДЖОН. Клянусь: с этой минуты я – твой муж!

Влюбленные целуются. Затем играют, танцуют и поют

БЕНАЗИР И ДЖОН (*дуэтом*).

Мы будто пришли из далеких миров.

Гостим на неведомой дикой планете.

Сюда позвала неземная любовь.

Чтоб розой небесной расцвести на рассвете.

Такая любовь – это сон, это сон,

Где в музыке чувств все крещендо вселенной.

Дороже за жизнь и за вечность тот сон.

Принес его космоса ветер весенний.

Мы будто пришли из далеких миров,

Гостим на неведомой дикой планете.

* * *

У пропускного пункта воинской части, которая охраняет территорию посольства США в этой восточной стране, стоит несколько военных в изысканной армейской форме. Проходная оборудована самыми современными приборами и компьютерами. Они позволяют «прощупывать» человека на значительном расстоянии, выдавать информацию о нем и, если необходимо, принимать решения по усилению мер безопасности. «Всполошились» приборы и когда к пункту подошли Беназир и Джон, наигрывающие на скрипке и аккордеоне. Сигнализируя о «тревоге», над входной дверью зажглась красная лампочка. Один из охранников, Билл Рузвельт, делает резкие шаги навстречу парочке.

ДЖОН (*в растерянности*). Я рад, Билл, что на посту именно ты, мой близкий друг. Эту девушку, что со мной, звать Беназир. Она мне дороже всего на свете. Наша любовь, как удар молнии: ни на минуту не хотим расставаться. Пропусти нас в бытовой корпус, я спрячу ее в своей комнате. А если не пропустишь – я уйду вместе с ней.

БИЛЛ. Рад услужить, но как?.. Нарушу инструкцию – меня накажут. У тебя еще вчера вечером истек срок увольнительной. С 24.00 все наши службы стоят на ушах, тебя ищут по всему городу.

ДЖОН. Умоляю – выручи!

БИЛЛ (*делает шаг в сторону*). Проходите! Быстрее! Бегом!

Вложив музыкальные инструменты в футляры, Джон и Беназир кидаются к двери. Но дверь неожиданно распахивается и перед ними, как гора, вырастает тучная фигура начальника охраны майора Рональда Райса.

РОНАЛЬД. Приказываю арестовать военнотружущего Буонарроти!

Трое дюжих солдат, что появились вслед за Райсом, подскакивают к Джону, в мгновение ока надевают наручники.

ДЖОН. Я не совершил ничего худого. Влюбился – разве это вина? Разве это плохо, что я и Беназир хотим быть вместе?

БЕНАЗИР. Арестуйте и меня. Я не могу вернуться домой.

РОНАЛЬД. Почему? Вас преследуют в вашей стране по политическим мотивам?

БЕНАЗИР. Нет. Но мои права, как личности, могут быть нарушены.

РОНАЛЬД. Когда их нарушат, тогда и придем на помощь.

Из-за угла выезжает фургон, за рулем Бируни. По его повелению двое слуг выскакивают из машины, хватают Беназир. Она сопротивляется.

БЕНАЗИР (*к Райсу*). Помогите! Вы обещали!

РОНАЛЬД. Мы не можем допустить вмешательства во внутренние дела дружественной страны.

Джон пытается прийти на помощь девушке, но солдаты крепко держат его в руках.

ДЖОН (*в адрес Райса*). Защитите девушку от насилия. Вы же обещали?

РОНАЛЬД. Успокойся! Можешь считать меня лицемером, но я Устав не нарушу, а тем более предписаний посла!

Беназир заталкивают в фургон. Доносится ее прощальный возглас.

БЕНАЗИР. Я люблю тебя, Джон!

ДЖОН. Я не оставлю тебя, Беназир! Жди меня! Мы отстоим свою любовь!

* * *

Джона помещают в зарешеченную камеру гауптвахты. Бируни на своем фургоне доставляет Беназир в многоэтажный дом, где находятся ее родители. Отец и мать с криками набрасываются на дочь. Омар избивает ее, пристегивает цепью к кровати.

Девушка, оставшись одна, играет на скрипке, плачет и поет. Ту же песню, играя на аккордеоне, исполняет в своей камере и Джон.

Хотя влюбленные находятся на большом расстоянии, голоса их сливаются.

БЕНАЗИР И ДОН (*дуэтом*).

Из слов и музыки сложилась песня.

Разлучат их – и песне той конец.

А нас хотя и разделила бездна –

Любовь живет в биении сердец.

Ее не одолеет даже смерть...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Помещение гауптвахты. Буонарроти мечется в тесной камере, надрывно рыдает.

ДЖОН. XXI век! А я – раб! Мое положение хуже раба! Устав сковывает солдата по рукам и ногам, убивает в нем лучшие человеческие качества. Мне 20 лет. За все прожитые годы в моей душе не рождались такие высокие, светлые чувства, как при встрече с Беназир. Мое сердце схоже вот на эту пальму, что в окне: расправило листья, обросло плодами. Я проникся ощущением силы и счастья, дал волю мечтам. Я всматривался в тихие глаза Беназир – и видел нас вдвоем на нашей родовой ферме в Штатах. Днем обрабатываем землю, а вечером играем: она на скрипке, я – на аккордеоне. У нас пятеро детей. Они, как и мы, музыкальные: поют, танцуют. Почему же Райс и этот Саддам Бируни оборвали святую мечту?

Начальник охраны открывает второе окно в помещение гауптвахты, за которым он подслушивал Буонарроти.

РОНАЛЬД (*с пеной у рта*). Устав всего лишь оборвал твою с мусульманкой связь. Ты кто по вере?

ДЖОН. Христианин.

РОНАЛЬД. Почему же заводишь пашни с женщиной иной веры?

ДЖОН. Любовь не знает различий в вере, в цвете кожи! Я уже назвал Беназир женой!

Подходят солдаты. Они откровенно насмеваются над Буонарроти.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. Разве на вонючих шлюхах женятся?

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Аллах у таких на словах, а в душе – дьявол.

ТРЕТИЙ СОЛДАТ. У аборигенок запах джунглей. Их даже трахать противно.

ДЖОН. Беназир пахнет розой. Эта девушка чиста, как ангел. Она зажгла в моей душе негасимый огонь мечты. Потеряю – останусь во тьме.

РОНАЛЬД. Христианин обязан жениться на христианке. В нашей армейской части я создал общину христиан–миссионеров. Нас более ста человек. Мы не позволим тебе видаться с этой иноверкой! Будешь сидеть под арестом, пока не забудешь ее!

Райс закрывает оба окна на защелки.

РОНАЛЬД. И еды лишаю на двое суток! Голод тебя образумит!

Райс садится в армейский джип, покидает территорию воинской части. Воспользовавшись ситуацией, Рузвельт пробирается к камере гауптвахты, передает Буонарроти его аккордеон.

БИЛЛ. Представь, все телеканалы сообщили, что к звездам отправлен тысячный космический аппарат! Наш, американский, аппарат!

Буонарроти, приняв инструмент, принимается за его настройку. Лицо у парня печальное, в глазах поблескивают слезы.

ДЖОН (*играет и поет*).

Наш спутник вышел на орбиту.

Меж звезд земным орлом парит...

Чего ж душа моя разбита,

А горе вышло из орбит?..

Здесь, на Земле, майор жестокий

С любимой разлучил меня...

Нельзя мне ни в какие сроки

Ту скорбь на счастье обменять...

Наш спутник вышел на орбиту.

Меж звезд земным орлом парит...

Чего ж душа моя разбита,

А горе вышло из орбит?..

* * *

На посту с оружием в руках стоит Билл Рузвельт. Мимо несколько раз туда и обратно проходит с опущенной чадрой девушка. Наконец солдат не выдерживает, останавливает ее.

БИЛЛ. Чего тут фланируешь? Террористка из «Аль-Каиды»? Приглядываешься, куда сподручнее метнуть гранату?

ДЖАМАЛ. А если я присматриваюсь к тебе? Если ты мне по нраву?

БИЛЛ. За пять минут влюбилась?

ДЖАМАЛ. Тебя я заметила давно.

БИЛЛ. Когда? Где?

ДЖАМАЛ. В зверинце.

БИЛЛ (*смеется*). Там я был в шкуре тигра или леопарда?

ДЖАМАЛ (*смиренно*). Ты был в своей шкуре. То есть в армейском мундире. Тебе понравилось дразнить шимпанзе в вольере. Одна из обезьян, то есть я, вступила в игру – и сорвала с твоего пальца кольцо.

БИЛЛ (*с напускной строгостью*). Ты что – обезьяна? А ну открой лицо!

ДЖАМАЛ (*откидывает чадру*). Я – работница зоопарка. В тот день у нас заболел самец шимпанзе, ради забав с которым многие горожане и посещают зверинец. Вот мне и пришлось надеть синтетическую «шкуру» самца, чтобы заменить его. Ты играл со мной – и не заметил, что пальцы у меня с маникюром?

БИЛЛ (*хохочет*). Но сейчас и обезьяны красятся (*солдат с интересом рассматривает привлекательное лицо девушки*). Ты что, придумала историю с кольцом?

ДЖАМАЛ (*показывает кольцо*). Если отказываешься – оставляю себе.

БИЛЛ (*берет в руки кольцо*). Мое. Но я готов подарить его за поцелуй.

ДЖАМАЛ (*улыбается*). Неужели обезьяна понравилась?

БИЛЛ (*разводит руками, сохраняет ироничный тон*). Выбор небольшой. Человечество – сплошной зверинец.

ДЖАМАЛ. А солдат Джон Буонарроти к какому виду зверей относится?

БИЛЛ (*предельно серьезным тоном*). Он – исключение. Джон – гомо сапиенс до мозга костей. Его душа – в музыке, ум – в измерениях Вселенной. И он – мой друг.

ДЖАМАЛ. А я подруга Беназир. Она и твой Джон – это, если говорить по-вашему, современные Ромео и Джульетта. Разлуке они предпочтут смерть. Ты и я обязаны их спасти!

БИЛЛ. Каким образом?

ДЖАМАЛ (*играя глазами*). Разве настоящий мужчина нуждается в совете женщины? В полночь я ожидаю тебя вон за этими кустами (*указывает рукой на заросли можжевельника*).

* * *

Буонарроти читает записку от Беназир и как бы слышит ее голос.

БЕНАЗИР. «Помнишь, я уколола кактусом мизинец, выступила капля крови – и ты выпил ее... Глядя в тот миг на тебя, я подумала: всю до капли кровь отдам – лишь бы быть с тобой, целовать твои глаза... Но завтра мне предстоит идти под венец с нелюбимым. Этого требуют мои родители. Отец избил меня, одел цепи, приковал к кровати. Саддам подкупил близких мне людей деньгами, посулами, припугнул «карой Аллаха». Окружающие меня люди не в состоянии понять, что моя любовь выше их забобонов. Что мое чувство к тебе святее всех религиозных догм, законов и обычаев. Отец и мать не осознают, что своею корыстью, своими предрассудками обрекают свою дочь на гибель. Я уже приготовила яд – успела до того, как приковали. У меня, правда, теплится надежда, что Бог услышит мои мольбы. Ведь Бог, помню, ты говорил, один и для мусульман и для христиан, и для всех землян. Неужели он допустит надругательство над нашими чувствами? Я загадала: если так произойдет, то это будет означать, что не он правит миром, а дьявольское мракобесие и людская ограниченность...»

Прочитав записку Беназир, Буонарроти не находит себе места, бьется о стену головой в тесной камере гауптвахты.

ДЖОН. Жизнь любимой в опасности. А я ничем не могу помочь. Меня заперли в этой клетке, словно опасного зверя. Как выбраться отсюда? Есть ли способ спасти Беназир?

ГОЛОС. Есть!..

Джон в замешательстве... Тут же чьи-то сильные руки вталкивают к нему в камеру Геллу.

ГЕЛЛА. Узнав о твоей беде, я сразу же выхлопотала свидание. Все говорят о какой-то твоей безумной любви к шиитке. Неужели ты забыл, что я прибыла из Штатов после твоего письма, в котором грусть сочеталась с тоской и отчаянием. Я добилась у госсекретаря перевода сюда на должность психолога войсковой части, задействованной в охране посольства. Все нас считают женихом и невестой. И вдруг у тебя скоропалительный роман с другой. К тому же – с мусульманкой. Рональд говорит, что ты готов отречься от христианской веры, лишь бы быть с ней.

ДЖОН. И она готова отречься от своей веры – лишь бы быть со мной.

ГЕЛЛА. Любовная иллюзия в XXI веке? Смешно! Разве не проще ни от чего не отречься – просто жениться на мне? Прежде я не решалась – а теперь готова идти под венец.

ДЖОН. Это невозможно.

ГЕЛЛА. Почему? Мы оба христиане. Не позорь меня! Ведь я здесь с миссионерской миссией! Ни за что не отдам тебя шиитке!

ДЖОН. Неужели не понимаешь, что лампа лжи не дает света? Ты тут за полгода со всеми начальниками переспала – выторговывала лучшие условия. Я стремился тебя полюбить, но не смог. А Беназир любить не хотел, но посмотрел в глаза – и ощутил, что она моя, а я ее – навеки. К ней никто никогда не прикоснется, и я ни к какой женщине, кроме нее, никогда не прикоснусь. Ты называешь это чувство безумием? Но поверь: ради того, чтобы продлить его хотя бы на миг – я готов жизнь отдать. Если любишь меня – помоги Беназир.

ГЕЛЛА. Пиши записку, а я передам. Для ее спасения достаточно двух твоих слов: «Любви нет».

ДЖОН. Этого написать не могу. А она не сможет этого прочитать. Это для тебя нет любви, а для нас есть. И наша любовь такая огромная, что не вмещается на земном шаре. Она не вмещается в нашем супервиртуальном развращенном обществе. Наша любовь устремлена к звездам. Уходи – и забудь меня. Там за дверью – уверен! – тебя ожидает Рональд, спешу с ним спариться. Это ведь он тебя подослал?!

От хлестких слов Джона Гелла, как пробка, вылетает из камеры.

* * *

Вечереет. Билл и Джамал прохаживаются вдоль забора, обнесенного колючей проволокой. Останавливаются напротив строения, где на третьем этаже распахнуто окно.

ДЖАМАЛ (*указывает рукой на окно*). Там под присмотром своих родителей и стражников, нанятых Саддамом, находится Беназир. Прежде мне разрешали свободно туда приходить. Когда же узнали, что я выполняю роль связной между Беназир и Джоном, запретили здесь появляться.

БИЛЛ. Но ты все равно должна проникнуть в дом. И не только передать письмо Джона, но и забрать у Беназир капсулу с ядом. Если она отравится – Джон тоже не жилец на этом свете. Он предупреждал меня об этом много раз.

ДЖАМАЛ. Но как проникнуть в дом, если двери на запоре, а стража начеку?

БИЛЛ. Постой! Я придумал! Тебе стоит облачиться в шкуру шимпанзе, а мне – гориллы.

Билл и Джамал берут такси. Едут к ней в зоопарк... Спустя какое-то время опять появляются у забора. Она – в синтетической «шкуре» шимпанзе, он – в синтетической «шкуре» гориллы. «Горилла» кусачками отрезает участок колючей проволоки. «Шимпанзе» по растущему рядом со строением дереву карабкается до уровня третьего этажа. Наклоняет ветку и по ней пробирается к самому окну.

ДЖАМАЛ (*окликает подругу*). Беназир! Беназир!

Беназир, гремя цепями, появляется в окне. Глаза затуманены слезами, не понимает, кто ее звал.

ДЖАМАЛ (*тихим голосом*). Это не шимпанзе. Это я – твоя подруга Джамал, принесла письмо от Джона.

БЕНАЗИР (*слезы продолжают катиться из глаз*). Он по-прежнему под арестом?

ДЖАМАЛ. Да. Но подал рапорт об увольнении из армии. Скоро будет свободным. Не плачь. Ты должна дожидаться его. Джон требует выбросить яд. Это оружие слабых. А вы с Джоном сильные. Так ведь?

БЕНАЗИР. Возможно, но моя душа в агонии.

ДЖАМАЛ. Не поддавайся панике. Помни изречения: «Две руки и два плеча и небо одолеют», «Величие человека в его руках», «На Аллаха надейся, но привязывай своего верблюда», «Лучше один день на этом свете, чем тысяча на том».

Беназир принимает письмо. В это время один из стражников замечает Джамал, пытается стряхнуть с дерева. Билл, чтобы вмешаться, в мощном прыжке перемахивает через забор, вступает в борьбу с охраной. На него набрасывается около десятка мордоворотов, скручивают, одевают наручники. То же делают с опустившейся на землю Джамал. Обоих бросают в темное помещение, запирают дверь на засов.

* * *

Беназир читает письмо. Из соседней комнаты к ней подкрадывается отец, выхватывает его.

ОМАР (*гневно*). Я признаю одного жениха – Бируни. Ты что, с этим Джоном спала? По предписанию шариата я обязан убить этого христианина, обесчестившего мою дочь. А Саддам – уважаемый человек. Он чтит мусульманские обычаи. Недавно совершил хадж в Мекку.

БЕНАЗИР. Сорок лет грешил, а один день каялся? Кошка хоть в Мекке побывает, мяукать не отучится.

ОМАР. Чем же плох Саддам?

БЕНАЗИР. Нет хуже дьявола, чем тот, что молится. Это о Саддаме сказано: «Пока лиса на дне колодца, она собирается раздать добро нищим». Я привыкла речь человека как бы воспроизводить в нотах. Речь Джона – мелодичная, благозвучная. А речь Саддама – сплошная какофония.

ОМАР. У тебя только «музыкальные» претензии?

БЕНАЗИР. А разве не видишь, что он сердцем к Аллаху, а глазами к дьяволу? Деньгам поклоняется больше, чем Богу. Высокомерен и груб. Не терпит чужого мнения. Я ему нужна не как человек, а как украшение дворца, как бесплатная наложница.

ОМАР. Но он богат. Человек без денег и Аллаху не мил. За деньги и шайтана можно приручить. С деньгами в рай, а без денег – на край.

БЕНАЗИР. Рай там, где нет гнета. Рай на земле – это свобода. Ты забыл изречение: «Нет худшего подлеца, чем подлец благочестивый»? Разве не знаешь, что у Саддама уже есть две жены, а я буду третьей?

ОМАР. Но еще в твои тринадцать лет Бируни заключил со мной соглашение, что по достижении совершеннолетия станешь его супругой. Все эти годы Саддам помогал нашей семье.

БЕНАЗИР. Но я полюбила другого. Мы с Джоном называли друг друга мужем и женой.

ОМАР (*еще больше воспаляясь*). Этому никогда не бывать! Он не нашей веры! Разве забыла о страшном суде. Ведь он когда-то настанет. Мост Сират, по которому нам придется проходить над адом, тонкий, как волосок, острый, как меч Азраила. Через этот мост в рай пройдут только праведники. Грешникам это не удастся. Что, хочешь сгореть в адском пламени?!

БЕНАЗИР. Но Аллах благословляет любовь. Он заступится за меня.

ОМАР. Щедростью Саддама уже давно пользуется наша семья. За его деньги ты обучалась в музыкальной школе. Он примерный мусульманин.

БЕНАЗИР. Верующий воспитывает самого себя, справедливый – весь мир. Саддам верующий, но несправедливый. А Джон и верующий, и справедливый. Поэтому мое сердце выбрало его. Любовь – это таинство. Это то, что вошло в нас, но нами непостижимо. Оно, как волшебная стрела, пронзило меня и повелевает мной. Это чувство подвластно только Богу. Это Бог назвал нас с Джоном мужем и женой.

ОМАР. Вступив в близкую связь с христианином, ты предала весь наш род. Ты нарушила все родовые обычаи, все заповеди родоначальника рода Джафара. Кайся! Проси прощения!

БЕНАЗИР. Верни мне письмо. Я дочитаю его – тогда приму решение.

Омар возвращает письмо. Беназир припадает к тексту. По мере чтения напряжение на ее лице снижается. Взгляд становится все более просветленным.

БЕНАЗИР. Джон предпочтет смерть разлуке. Я – тоже. Наша с ним любовь сильнее ваших догм и запретов. Их нет в Коране! Это вы сами из корыстных побуждений их изобрели!

Отец повторно вырывает письмо из рук дочери, впивается в бумагу глазами.

ОМАР. Джон пишет тебе на арабском? Он образованный человек? Почему же хочет взять в жены тебя, бедную мусульманку? Его родители–христиане не примут тебя, будешь жить в унижении. Запомни: лев косуле не товарищ. Держись подальше от Джона. И вот объясни, что значат его слова: «Выбрось ампулу с ядом!» Ты забыла, что провозглашает Коран: «Не подobaет правоверному умирать иначе, как с позволения Аллаха...» Я не уйду отсюда, пока не отдашь мне эту ампулу!.. Стража!

Из соседней комнаты выходят две крепкой комплекции женщины.

ОМАР. Обыщите мою дочь!

Охранницы обыскивают девушку, извлекают из лифчика спрятанную там ампулу, передают отцу.

ОМАР. У меня – твоего отца – есть обязанность. Согласно Корану я обязан выдать тебя замуж за достойного человека. Таким я считаю Саддама Бируни. Завтра в свадебном наряде явишься в мечеть и сочетаешься с ним в браке.

БЕНАЗИР. Я не выполню твою волю!

ОМАР. Значит, силой доставим в мечеть. А письмо Джона тебе возвращаю (*передает*) – чтобы осознала, что тебе, потомственной мусульманке, не по пути с этим донжуаном.

* * *

Билл и Джамал постепенно осваиваются в темноте. В поисках выхода из заточения натыкаются на стулья. Под руку попадают бутылка вина, посуда, еда.

БИЛЛ (*разливая вино в рюмки*). Давай выпьем за то, чтобы не было религиозной вражды на планете Земля! Чтобы нация, раса, верование, идеология не стояли на пути любви и создания семьи!

ДЖАМАЛ. Согласна: любовь, семья, дети – святее всего святого. Я пью за Беназир и Джона! (*Платком вытирает со лба пот*). Здесь жарко!

БИЛЛ (*как бы спохватывается*). В этой кутерьме мы забыли, что одеты «по-звериному» (*смеется*).

Оба ставят невыпитые рюмки на стол. Билл помогает девушке расстегнуть «молнии» на спине. Потом Джамал расстегивает ему «молнии». Освободившись от «обезьяньих» шкур, берут со стола рюмки, выпивают... Возникает ситуация, когда в темноте их глаза поблескивают, выявляя прилив влечения друг к другу. Их губы вот-вот сольются в поцелуе. Девушка уже делает шаг к парню. Но он, наконец-то, овладевает собой. Чуть отстранившись нежно приподнимает ее за плечи.

БИЛЛ (*с добрым чувством в глазах*). Пока Джон и Беназир в беде – мы обязаны забыть о себе. (*После паузы*) Да и учти: я выходец из Англии, холодная кровь. Это Джон с жарким темпераментом предков-итальянцев. Микеланджело Буонарротти его дальний родственник. А к моему роду вроде бы имеет отношение поэт Роберт Бернс. Но в эту легенду я не совсем верю.

ДЖАМАЛ. Ты тоже пишешь стихи?

БИЛЛ. Немного балуюсь. Джон тоже увлекается этим. Но музыка в нем перевешивает. А особая страсть у него к работе на земле. Его отец – фермер в штате Нью-Йорк... Джону мы сможем помочь, если отсюда выберемся.

ДЖАМАЛ. Я знаю, как это сделать!

Девушка берет в руки стул и с размаха ударяет по зарешоченному, с закрытыми ставнями окну. Стекла с треском рассыпаются. Отлетает часть ставни. Сквозь просвет видна голова стражника.

ДЖАМАЛ (*обращается к нему*). Вы безбожник?

СТРАЖНИК (*гневно*). Я правоверный мусульманин!

ДЖАМАЛ (*резко*). Тогда почему не соблюдаете предписаний Корана? На каком основании меня, женщину, поместили в одной застенке с мужчиной? Немедленно откройте дверь!

Дверь распаивается. У порога стоят несколько охранников во главе с Хусейном. К ним подходит сержант полиции.

СЕРЖАНТ. Вызывали?

ХУСЕЙН. Да. Мы вынуждены передать для допроса хулиганов, которые под покровом ночи проникли в здание нашей фирмы. Когда мы попытались их задержать, они пустили в ход кулаки. Избили дежурного. Вот взгляните, как пострадал человек.

Вперед выступает рослый парень с синяками на лице.

БИЛЛ. Но у меня такие же синяки.

Сержант зыркает то на дежурного, то на задержанного. Сравнивает, не в состоянии сдержать смех.

СЕРЖАНТ (*хохочет*). И у того, и у другого «фонарь» одинакового размера. Я обязан обоих арестовать.

ХУСЕЙН. А девушку?

СЕРЖАНТ. Разве и она дралась?

ХУСЕЙН. Еще как!

СЕРЖАНТ (*смеется*). Но на тебе нет синяков. А этот бланш под глазом дежурного по размеру больше ее кулачков.

ДЖАМАЛ. Зато меня избили. Вот рука рассечена (*показывает рану на руке*).

СЕРЖАНТ (*строго*). Кто избивал девушку?

ДЕЖУРНЫЙ. Не я.

ХУСЕЙН. Не я.

БИЛЛ. Благороднейший сержант, по вине этих господ я не смог своевременно возвратиться в мою армейскую часть, которая охраняет американское посольство. Если еще и полиция задержит меня, то местным властям придется иметь дело с правительством моей страны.

СЕРЖАНТ. Вы свободны! Девушка тоже! А дежурного прошу пройти со мной в полицейский участок!

* * *

Беназир перечитывает письмо Джона. На глаза наплывают слезы.

БЕНАЗИР (*с письмом в руках ходит по комнате*). Отец утверждает, что Джон легкомысленный ловелас. Но это не так! Он чист, как родник, светел, как солнце. В каждом слове ощущаю биение любящего сердца. «Ты, – пишет он, – стала смыслом моей жизни. Каждую секунду я думаю о том, как встретиться с тобой и никогда не будем разлучаться. Отринь мысль о самоубийстве! Выбрось ампулу с ядом!.. Хитри, делай уступки родителям и Саддаму. Я найду способ, как избавить тебя от их тирании. Я увольняюсь из армии, скоро ты и я будем вместе. Я все сделаю для того, чтобы у нас была прекрасная семья...»

Верю, Джон, мы создадим хорошую семью. Такого красивого душой и телом, как ты, я не встречала ни в жизни, ни в книгах, ни в кино. Много дней приходила на пляж, чтобы украдкой любоваться твоим лицом. Высокий лоб и кудрявые волосы ты унаследовал от отца-итальянца. Голубые глаза и мягкую улыбку – от матери-англичанки. Ты говорил в шутку, что все народы Европы ваяли твое тело. А душу, это моя мысль, шлифовали все источники мудрости нашей планеты и все звезды. Твои убеждения стали моими убеждениями. Ну разве это счастье, замкнуться в тесном мирке каких-то догм? Ты прав, надо сказать спасибо всем религиям за то, что много веков держали страсти несовершенного человечества в узде, направляли на добро и созидание. Но ныне люди вышли в космос, посылают записки, если можно так сказать, людям соседних галактик. Пора создавать единую для планеты Земля религию – религию утверждения Любви, Справедливости и Равенства. Это понимал еще пять столетий тому твой, Джон, предок – Микеланджело... А я, женщина третьего тысячелетия, не имею права любить мужчину иной веры? Родители хотят замуровать меня во тьму предрассудков и мракобесия? Лишить права выбора, дарованного природой всему живому на Земле?

Останавливается напротив окна. Ее заливают слезы.

БЕНАЗИР (*обращается к звездам*). Вас, светила небесные, мириады. Услышьте бедную девушку, унесите меня из этого каземата на дальнюю светлую орбиту. Мои родители ограниченные люди. Они считают, что смирение, жизнь с нелюбом, обеспечат мне место в раю.

В комнату Беназир бесшумно, словно тень, пробирается ее мать. Рагад прислушивается к причитаниям дочери, обнимает ее, не удерживается от напутствий.

РАГАД. Разве вечная жизнь в раю не ценнее недолгой жизни на этом свете? Тут разврат, жестокость, угнетение. Здесь ты пребываешь мгновения, а там будешь находиться нескончаемое количество сладких дней и лет. Неужели не видишь выгоды в том, чтобы не нарушать наших семейных устоев?

БЕНАЗИР (*продолжает рыдать*). А мне хочется и здесь счастья! Джону тоже хочется счастья! И наше стремление к немедленному счастью так велико, что всякие преграды воспринимаем как насилие. Для нас ничего нет ценнее, как это наше бытие, наша любовь! Мой рай – в сиянии глаз Джона! Моя вечность – в его поцелуях, в наших будущих детях!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.